

УДК 115

DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-2

Савинцев В. И.¹,
Попова В. С.²

Время и пространство в творчестве Н. Н. Страхова
и Б. Н. Чичерина

¹ Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, ул. Александра Невского, д. 14, г. Калининград, 236041, Россия; vyacheslav-savincev@yandex.ru

² Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, ул. Александра Невского, д. 14, г. Калининград, 236041, Россия; varyud@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются и сравниваются представления о пространстве и времени российских философов конца XIX в. Н.Н. Страхова и Б.Н. Чичерина. Основание для сравнения носит исключительно историко-философский характер. Оба философа сформировали свои мировоззренческие взгляды на материале классической западноевропейской и русской философских традиций, однако, развивая индивидуальное творчество в эпоху смены философских парадигм, были вынуждены принять решение: последовать за «прогрессивными» направлениями (позитивизм, материализм) или осуществить пересмотр классических представлений и отстаивать фундаментальность метафизического метода в науке и философии. Оба философа избрали второй путь и добились оригинальных результатов, в частности, в осмыслении природы и свойств пространства и времени. В статье проводится компаративистский анализ понимания пространства и времени обоими мыслителями, в ходе которого устанавливается, что, во-первых, основанием для понимания этих категорий стала свободно воспринятая гегелевская философия, во-вторых, оба философа акцентировали внимание на эпистемологической стороне интерпретации понятий (хотя и привлекали богатый научный материал для аргументации) и, в-третьих, каждый из них стремился решить достаточно сложную проблему взаимосвязи субъективных и объективных свойств пространства и времени.

Ключевые слова: Н.Н. Страхов; Б.Н. Чичерин; время; пространство; понятие; явление; мышление; опыт; метафизика; наука

Для цитирования: Савинцев В.И., Попова В.С. Время и пространство в творчестве Н. Н. Страхова и Б. Н. Чичерина // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 2. С. 12-23. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-2

V. I. Savintsev¹,
V. S. Popova²

Time and space in the works of N. N. Strakhov and B. N. Chicherin

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Alexander Nevsky St., Kaliningrad, 236041, Russia; vyacheslav-savincev@yandex.ru

² Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Alexander Nevsky St., Kaliningrad, 236041, Russia; varyud@mail.ru

Abstract. The article analyzes and compares the ideas about space and time of the Russian philosophers of the late 19th century Nikolai N. Strakhov and Boris N. Chicherin. The basis for comparison has an exclusively historical and philosophical reason. Both philosophers based their philosophical systems on the material of classical Western European and Russian philosophical traditions. When they developed individual concepts in the era of changing philosophical paradigms, they were forced to make a decision: to follow the "progressive" trends (positivism, materialism) or to revise classical concepts and defend the fundamentality of the metaphysical method in science and philosophy. Both philosophers chose the second path and achieved original results, especially in the study of the properties of space and time. The article provides a comparative analysis of the interpretation of space and time by both thinkers and establishes that, firstly, the freely accepted Hegelian philosophy became the basis for understanding these concepts; secondly, both philosophers focused on the epistemological side of the interpretation of these concepts (although they attracted rich scientific material for argumentation); thirdly each of them sought to solve a rather complex problem of the relationship between the subjective and objective properties of space and time.

Keywords: Nikolai N. Strakhov; Boris N. Chicherin; time; space; concept; phenomenon; thinking; experience; metaphysics; science

For citation: Savintsev V. I., Popova V. S. (2023), "Time and space in the works of N. N. Strakhov and B. N. Chicherin", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9 (2), 12-23, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-2

Н.Н. Страхов (1828–1896) и Б.Н. Чичерин (1828–1904) – одни из немногих мыслителей в отечественной философии середины XIX в., кто отличался широтой исследовательских интересов: от вопросов литературной критики, философии права и политики – до проблем естествознания, философии и методологии науки. Сближающим началом их творчества было то, что на фоне типичных для русского дворянства интеллектуальных увлечений – немецкая классическая философия, французские политические учения, интерес к традиционным чертам русской жизни (Н.Н. Страхов имел связь с «почвенническим» направлением в русской общественной мысли, а Б.Н. Чичерин – репутацию консерватора) – оба философа проявили живой интерес к гегелевскому диалектическому методу, рассматривая его как надежный инструмент в философской аргументации. Будучи апологетами строгой философской формы высказывания, оба мыслителя внесли свой вклад

в прояснение отдельных вопросов онтологии и теории познания, среди которых важное место принадлежит понятиям «пространство» и «время».

Цель нашей статьи – выявить общее и различное в темпоральных концепциях этих мыслителей. Следует заметить, что они не были создателями «прорывных», «дискуссионных» представлений, влияющих на вектор философской мысли во второй половине XIX в., каковым, например, столетием ранее оказался И. Кант. Историческая роль разработок Н.Н. Страхова и Б.Н. Чичерина заключается в том, что оба мыслителя усмотрели воздействие позитивизма и материализма на ослабление значимости философских оснований научной деятельности в угоду разработке эмпиристской методологии и абсолютизации роли научного факта. А это, в свою очередь, неминуемо вело к расхождению естественнонаучного и философского способов осмысления теоретических проблем. Стре-

мясь сохранить статус универсальности философского метода, Н.Н. Страхов и Б.Н. Чичерин сформировали собственные версии трактовки времени и пространства, в рамках которых обновили представления о свойствах этих понятий в русской философии.

1. Время в работах Н.Н. Стрхова

Вопросы об особенностях философско-методологического мышления и о значении форм пространства и времени в построении оригинальных метафизических концепций обоих авторов в исследовательской литературе рассматривались неоднократно. Среди ведущих исследователей отметим Н.П. Ильина (Ильин, 2005) и Е.Н. Мотовникову (Мотовникова, 2010). Вместе с тем, насколько мы знаем, компаративистский анализ вышеуказанных понятий у Н.Н. Стрхова и Б.П. Чичерина ранее не производился.

Рассмотрим базовые представления о пространстве и времени у Н.Н. Стрхова. Известно, что русский философ вопросам природы времени, числа и пространства намеревался посвятить обширную работу, которая осталась незаконченной. В свет вышел отдельно очерк «О времени» (1906 г.) из этой работы. Полностью же рукопись была опубликована в двух номерах журнала «Русский вестник» (1897 г., №№ 1-2). Кроме того, тема времени представлена в книге Стрхова «Мир как целое» (1872 г.) в Письме 7 «Значение смерти» и Главе 4 «Пространство и время» (во второй части разбивка идет не по письмам, а по главам). Обе работы содержательно неравнозначны. В «Мире как целом» философ обращается к философским проблемам естественнонаучной интерпретации времени, тогда как в очерке «О времени» поднимаются вопросы отношения пространства и времени к бытию и познанию.

Свою философскую позицию, представленную в книге «Мир как целое», Н.Н. Страхов обозначил как «пантеизм». В.В. Зеньковский отмечает следующее высказывание философа по этому поводу: «Нам неизвестна другая наука, кроме науки

пантеистической» (Зеньковский, 2001: 394). Навряд ли этот пантеизм был сродни гуманистическому натурфилософскому пантеизму Н. Кузанского, Дж. Бруно и пр. Скорее всего, через пантеизм Страхов дистанцировался от современных ему материалистов и позитивистов, отрицающих присутствие духовно-личностного начала в природных явлениях и сводящих их исключительно к механическим и физиологическим законам. Вместе с тем, пантеизм Н.Н. Стрхова не связан и с западноевропейским рационализмом, в пределах которого мышление противопоставлено протяженному миру как самостоятельная сущность. Единство мира у Н.Н. Стрхова обеспечивается внутренней связанностью явлений, их пронизанностью трансцендентным и имманентным духовным началом. В.В. Зеньковский эту мысль проясняет так: «Но все же, если мир есть “целое”, то, значит, в нем есть и центр, обуславливающий “стяженность” мира. Но “вещественная сторона” мира, подчиняясь духу, создает формы органической жизни, – а “организм”, по Стрхову, есть категория не субстанциальная, а актуальная, – в “организме” надо видеть процесс, благодаря которому духовное начало, “выделяясь”, овладевает через организм веществом» (Зеньковский, 2001: 395). Из этого следует, что «овладение» веществом, а также его реализация не имеют пропусков и перерывов. Упорядоченность процессов обеспечена природными пространством и временем. Н.Н. Страхов не высказывается о предзаданности этих форм. Несмотря на то, что пантеистическая установка предполагает момент творения, формы интерпретируются как вечно функционирующие. Мыслителя заботит другой вопрос – о противопоставленности вещей пространству и времени. Точнее, вопрос о допустимости или недопустимости «пустого» пространства и времени.

В материалистических трактовках, согласно Н.Н. Стрхову, вещи описываются пребывающими в пространстве и во времени, следовательно, в рассуждении до-

пустимо и их исключение из таковых, подобно тому как из ящика вынимается содержимое, и он остается пустым. Заметим, что, согласно классическому механистическому подходу, описания вещей в пространстве и во времени вполне правомерны, поскольку это позволяет точно представлять движение объектов. Этот, имеющий древние истоки, подход применялся в ньютоновской физике и, конечно, хорошо обосновался в последующих материалистических учениях. Однако его постоянное использование, по мысли Н.Н. Страхова, ведет к искажениям представлений о физических свойствах пространства. Так, он пишет: «Тела занимают пространство. Можно подумать, что тела и пространство совершенно независимы между собою, что пространство есть ящик, в который можно положить, что угодно, и которому все равно, что в нем лежит. Между тем тела необходимо занимают пространство, потому что протяженность есть их существенное свойство. Пространство не только содержит в себе тела, – оно содержится в самих телах; не оно дает место телам, но сами тела по своей сущности обладают своим протяжением» (Страхов, 1872: 420-421). Таким образом, свойство пространства можно осмысливать, учитывая не только расстояния между телами, но протяженность в самих телах. Н.Н. Страхов приводит своего читателя к реляционистской идее пространственных отношений, которая, по его мнению, и обеспечивает физический порядок сущего. Кроме того, он использует аргумент, связанный с законом инерции: «Говорят, например, что пространство проницаемо, что оно безразлично к движению и месту тел. Между тем математики потом приходят в сильное затруднение, когда оказывается, что тела обнаруживают сопротивление, когда что-нибудь изменяет их положение или движение в пространстве. Это сопротивление они называют силой инерции, – и это одно из самых темных понятий механики» (Страхов, 1872: 421-422).

Оставим без комментария «темное понятие механики» и отметим, что идея со-

противления тел действительно хорошо иллюстрирует пространственно-временную взаимосвязь физических объектов: при смене конфигурации объектов изменяется и физический состав пространства. Характерно, что работа философа «Мир как целое», согласно задумке автора, носила просветительский характер и никак не предполагала детального разбора вопросов механики XIX в. Вместе с тем, Н.Н. Страхов продемонстрировал в этом тексте подлинно философскую интуицию о неоднородности физических пространств (*части мирового пространства не одинаковы*), столь актуальную уже для XX века.

С пространством взаимосвязано и время. «То, что сказано о пространстве, можно вполне применить и ко времени; не только мировые явления совершаются во времени, но они по самой сущности своей временные; не только время их содержит в себе, но они сами неизбежно содержат в себе время» (Страхов, 1872: 421). Н.Н. Страхов и здесь проводит реляционистскую линию связанности временных изменений как внутри вещей, так и между вещами. Согласно его концепции, обе формы отображают порядок сущностных изменений. Однако в этой работе мыслитель не пишет о взаимосвязи этих изменений, рассматривая каждую из форм как отдельно существующую. Согласно логике представления этих форм у Н.Н. Страхова, можно понять, что время в природе имеет постоянный однонаправленный характер развития, распадающийся в восприятии на события прошлого, настоящего и будущего. Мыслитель акцентирует внимание на постоянстве пространственно-временных процессов, сущность которых можно понять, обратившись к природе самих вещей и их взаимодействиям.

Иначе раскрывается вопрос в поздних работах философа. В очерке «О времени» он поднимает достаточно нетривиальную проблему адекватности философской интерпретации времени. Он пишет: «Легко предположить, что время есть, может быть,

нечто единственное в своем роде; в таком случае, говоря о нем словами общими, т. е. обозначающими и какие-нибудь другие представления, мы будем делать постоянную ошибку. Чтобы исправлять эту ошибку, нужно помнить, что все наши выражения могут, таким образом, иметь переносный, не собственный смысл, и нужно стараться отличить от этого смысла тот, который действительно принадлежит времени» (Страхов, 1906: 405). Оптимальным языком для Страхова становится язык евклидовой геометрии, где пространственные и временные отношения представляются через описание примеров с точкой – метафорой настоящего (в этом случае проводится аналогия между точкой и мгновением) и прямой. В этой ситуации бесконечная прямая аналогична бесконечно простирающемуся в обе стороны времени. Мыслитель представляет два способа отношений точки-мгновения и длящегося времени-прямой: а) когда точка движется по прямой от прошлого к будущему; и б) когда точка находится на месте, а прямая движется из будущего в прошлое. В первом случае, как полагает мыслитель, мы имеем дело с *объективным* временем потому, что «в нем мы и себя рассматриваем как часть существующего». В этом случае говорят, что *время уносит нас; мы близимся к смерти, идем к неизвестности будущего*. Во втором случае мы имеем дело с субъективным временем: мы стоим на месте в своем жизненном настоящем, наблюдая преходящие процессы. В этом случае говорят: «*молодость уходит от нас; будущее близится; приходит осень*». Стало быть, единое время, в зависимости от познавательных целей, может быть по-разному истолковано: и как объективное, и как субъективное. Время получает в этих случаях образное истолкование, поскольку передается не через сами события, а через впечатления.

Какие же компоненты включает в себя время в восприятии? Н.Н. Страхов отмечает, что, помимо настоящего, есть еще прошлое и будущее. Но, подобно Августину, он отказывает этим характеристикам

в точном соответствии бытийным процессам. Истинный факт встречи сознания со временем проходит лишь в настоящем, тогда как прошлое и будущее – достройки памяти и воображения: «Сущность памяти состоит в том, что она делает существующим для нас, находящимся налицо перед нами то, что уже не существует в действительности. Вследствие этого для нас прошедшее не исчезает. С другой стороны, при всяком созерцании мы тотчас предполагаем бытие созерцаемого в будущем, и даже ничем не ограничиваем этого будущего, простираем его до бесконечности. Будущее, неопределенное и пустое, постоянно готово в нашей мысли для всякого созерцаемого бытия» (Страхов, 1906: 411). Таким образом, включение компонентов прошлого и будущего в познавательное поле созерцания делает получаемое знание субъективным, пригодным исключительно для прогнозов и предпочтений, с одной стороны, и воспоминаний, с другой. Кроме того, непосредственное созерцание в настоящем, работа памяти и воображения, а также мыслительная деятельность выводят нас, как полагает Страхов, за пределы предметной реальности (трансцендирование), обеспечивая событийный объем познаваемого процесса. На основании этого русский философ различает время *созерцательное* (переживание процессов настоящего) и время *мыслительное*, образующее единую линию прошлого, настоящего и будущего.

Будучи сторонником гегелевского панлогизма, Страхов полагает, что темпоральный порядок присущ всем бытийным уровням. Так, он иронично сообщает: «Для Бога и ангелов, для бесконечно далеких и недоступных миров мгновение настоящего то же самое, как и для меня» (Страхов, 1906: 407). Из этого следует, что, несмотря на критику идеи «равномерности» времени И. Ньютона и его последователей, данную в работе «Мир как целое», Страхов все-таки придерживается механистических принципов классической физики, утверждавшей пространственно-временной универсализм вселенной.

Отметим интересную связь времени и вечности, прочитывающуюся у Страхова. Он замечает, что отдельно взятое настоящее, доступное нам в созерцании, не имеет четко выраженных психологических границ. В некоторых случаях оно может длиться, изымая нас из действительности (например, как у Грибоедова: «Счастливые часы не наблюдают»). Такого типа настоящее подобно вечности. Однако, утверждает философ, и *мыслительное* время может уподобляться вечности, но исключительно в теоретическом плане. Вместе данные на одной линии прошлое и будущее также не имеют ограничений и тоже могут быть уподоблены вечности. Страхов пишет: «Вечность созерцательная и вечность мыслительная суть два различные представления. Одна есть всегдашнее настоящее и составляет как бы остановку течения времени; другая состоит из бесконечного прошедшего и бесконечного будущего, и представляет непрерывное и беспредельное течение времени» (Страхов, 1906: 414). Второй тип вечности связан с тем, что философ ищет неизменные основания мыслительных действий, которые обеспечивают фундаментальность осмысливаемых положений: «Всему постоянному, пребывающему мышление приписывает более существенности, чем преходящему, временному» (Страхов, 1906: 414). В данном случае Н.Н. Страхов рассматривает вечность как постоянство пребывания в противоположность тому, что проходит, не оставляя следа. Интересно, что вечной эта длительность оказывается не по реальным свойствам, а исключительно как психологический эффект, своеобразное когнитивное искажение в чувственном восприятии.

Подведем промежуточный итог. Приверженность гегелевскому методу, о котором Н.Н. Страхов заявил в начале своего труда «Мир как целое», имеет скорее выборочный характер: акцент на развитии, наличие в вещах и процессах организующей силы, взгляд на природу как последовательность переходов, которые, конечно, можно

проинтерпретировать как становление через отрицание. Однако Н.Н. Страхов избегает вычурных метафизических понятий, придерживаясь стиля спокойного натуралистического описания. Пространство и время в его мировоззрении предстают в двух ракурсах: как форма природной длительности и как способ осмысления природных изменений. Ни одна из указанных трактовок не выглядит законченной. К слову скажем, что и в европейской философской традиции найдется немного философов с развитыми темпоральными концепциями. Большею частью философы осмысливают лишь то, что согласуется с их системно выраженными убеждениями. Вместе с тем, Н.Н. Страхов интуитивно подметил важные составляющие философии пространства и времени, ставшие актуальными не в 60–80-х гг. XIX в., а на излете XIX века. Это идея пространственно-временного реляционизма, если речь идет о первом ракурсе проблемы, и вопрос об относительности восприятия пространственно-временных изменений внутри когнитивной установки субъекта. Здесь и субъективное, и объективное время, «мыслительное» и «созерцательное», а также – модификации восприятия времени как вечности на фоне незначительных для сознающего изменений.

Но самым, на наш взгляд, ценным является то, что Н.Н. Страхов высказал мысль о невозможности внеобразного восприятия времени. При всем росте точного знания о мире, мы, осмысливающие реальность через призму собственного опыта, не сможем избавиться от пространственных понятий и метафор.

Рассмотрим теперь философский подход к пониманию времени Б.Н. Чичерина.

2. *Время в философии Б.Н. Чичерина*

Отметим сразу, что в своей теоретической философии Б.Н. Чичерин также выборочно придерживается гегелевского метода. Как пишет отечественный специалист по творчеству немецкого философа

В.И. Коротких: «“Гегель” для Б.Н. Чичерина – это не некий уникальный, единственный в своем роде, философ, “Гегель” – это лишь получившая личностное выражение интегральная тенденция развития новоевропейской философии, продолжить которую в России и стремится наш мыслитель. (Но, впрочем, разве не так воспринимал себя и сам Гегель? Вспомним его чудесную шутку: то, что в моих книгах принадлежит лично мне, ошибочно)» (Коротких, 2013: 70). Будучи сторонником развития новоевропейской философии, Б.Н. Чичерин, как было указано выше, усматривал продуктивность философского знания в его системной упорядоченности, строгой выраженности и связанности с природными процессами. Для чего, как ему казалось, наиболее подходит панлогистская теория, получившая завершённое оформление именно у Гегеля. Панлогистские воззрения Б.Н. Чичерина проявились и в представлениях о пространстве и времени. Русский философ, дистанцируясь от субъективизма Канта, исходил из мысли, что, будучи изначально чувственными формами, пространство и время функционируют не только в сфере субъективного опыта, но выступают формами бытия объектов материального мира. Рассмотрим его идеи подробнее.

Основные свои представления о природе времени и пространства Б.Н. Чичерин излагает в статье «Пространство и время», опубликованной в журнале «Вопросы философии и психологии» (1895). В начале текста философ даёт определение времени: «Под именем времени мы разумеем чистую форму последовательности, независимо от того, что в нем совершается. Последовательность же есть исчезновение одного бытия с появлением другого. Как чистая форма последовательности, время представляется состоящим из частей, одна за другою появляющихся и исчезающих. Эти части называются моментами или мгновениями» (Чичерин, 1895: 2). Обратим внимание на графичность пространственного изображения последовательности: это поток мгновений, исчезающих («перешедших

из бытия в небытие»), пребывающих в настоящем («перешедших из небытия в бытие») и возникающих («те, которые должны получить бытие, когда исчезнет настоящее»). Отметим специфику понятий «бытие» и «небытие» у Б.Н. Чичерина. Этими восходящими к классической философии понятиями он обозначает актуальные для сознания процессы мира вещей и мыслей, которые могут как возникать, так и исчезать, подчиняясь высшему закону, о котором сообщим ниже. Б.Н. Чичерин, как, например, Н.Н. Страхов, не пишет о противоречии в отношениях прошлого, настоящего и будущего, а лишь констатирует, что временному потоку свойственны непрерывность, равномерность, делимость, бесконечность, единство и всеобъемлемость. Заметим здесь, что указанные свойства принадлежат не самим процессам, а временной форме их проявления. Так, говоря о непрерывности времени, философ отмечает, что события могут длиться с разной скоростью, быть длинными и короткими, но общим свойством, определяющим их длительность, будет непрерывность. То же относится и к делимости: поскольку время состоит из частей, оно делимо, но делимость – «внешнее свойство» времени, внутренне оно «непрерывно и равномерно». Уже по этим деталям можно судить о двойственности в отношениях познающего и времени. С современной точки зрения, ее можно проинтерпретировать так: как объект вычислений время может разделяться на части, складываться, сопоставляться, а как свойство самой природы – быть равномерным, непрерывным, бесконечным и всеобъемлющим.

Б.Н. Чичерин отмечает, что вышеуказанные характеристики времени знакомы всем. Большая часть людей имеет дело со временем как *представлением*. Однако для философствующего ума, осмысливающего его природу, важно определить время как *понятие*: «Время в нашем мышлении, – пишет он, – является в двоякой форме: как представление и как понятие. Общее всем людям представление времени. Оно есть

всегда присущая уму форма, под которой он воспринимает все явления мира. Но в основании этого представления лежит понятие, которое должно быть выяснено для сознания, а это составляет плод особенного умственного процесса, на который не все способны» (Чичерин, 1895: 4). Заметим, что Б.Н. Чичерин здесь следует классической традиции теоретического философствования, восходящей еще к Платону: определять предмет эйдетически. Он отмечает натуралистическую трактовку Бэна – вывести понятие времени из «чувства продолжительности» и, следуя рационалистской линии, обращается к метафизическим основаниям этого понятия. Казалось бы, лучшим проводником в этом вопросе должен быть Кант, рассматривающий, как отмечалось выше, время и пространство в качестве априорных способностей души, но кенигсбергский философ не раскрыл истоков этих способностей. И если для XVIII века его трактовка была приемлема, то в XIX веке, требующем согласованности мышления с законами природы, такой субъективистский подход уже считался недостаточным. «Итак, – пишет Б.Н. Чичерин, – время есть прирожденная умозрительная форма представлений. В этом отношении Кант был совершенно прав. Но прав ли он, признавая за этим определением чисто субъективное значение и отказывая ему во всякой объективности? На этот вопрос мы должны отвечать отрицательно» (Чичерин, 1895: 6).

Б.Н. Чичерин приводит знаменитую дилемму Канта против сторонников объективности пространства и времени: или считать время и пространство просто отношением вещей, что противоречит их умозрительности, а также – безусловной достоверности математических построений, или признать их двумя вечными пустотами, функция которых сводится к тому, чтобы все в себе заключать (тема черного ящика, которая обсуждалась и в работах Н.Н. Страхова). Русский философ обозначает «третий исход», к которому, «в силу логической необходимости», должны

прийти современные мыслители. Каков же ход мыслей Б.Н. Чичерина?

Так, он отметил, что время – это чистая форма последовательности. В этом плане к характеристике последовательности применимы такие понятия, как «продолжительность», «скорость», «равномерность», «периодичность действия». Философ достаточно обыденно их объясняет, указывая, что все они, будучи разными началами, объединены общим основанием. С помощью этих понятий в науке выясняется то, как функционируют объекты природного мира, а полученные знания находят свое предсказуемое метрическое определение. При всей условности избираемых мер, человечество имеет дело со временем как универсальной природной формой. Однако что же оно само по себе, как определяющее все изменения понятие? Б.Н. Чичерин строит разделительное доказательство, которое можно реконструировать следующим образом:

1. Если существует время как чистая последовательность (действие), то эта последовательность (действие) должна быть последовательностью (атрибутом) чего-то.

2. Чистая последовательность (действие) может быть атрибутом или абсолютного субъекта (только субъективное время), или абсолютного объекта (только объективное время), или абсолютного субъект-объекта (быть тотально абсолютным, совмещать субъективные и объективные характеристики).

3. Быть атрибутом только абсолютного субъекта оно не может, поскольку через время определяются не только психические, но и природные процессы и в этих определениях они универсальны (время как инструмент научных расчетов).

4. Быть атрибутом только абсолютного объекта (то есть бессознательного мирового процесса) оно тоже не может, ибо таковой есть лишь сумма единичных событий, каждое из которых случается в настоящем, а прошлое и будущее событий существуют исключительно в «сознании субъекта».

5. Следовательно, «время может быть атрибутом только абсолютного субъект-объекта, как вечно действующей силы, обнимающей все части действия и дающей им закон. Абсолютный, вечно действующий субъект-объект мы называем Духом. Время есть атрибут абсолютного Духа. Если есть время, то есть и абсолютный Дух» (Чичерин, 1895: 12).

Итак, в определении *понятия* времени Б.Н. Чичерин пошел по пути гегелевского пантеизма и панлогизма – наиболее последовательного метафизического направления первой половины XIX в. Однако философская эпоха Б.Н. Чичерина была уже другой: преобразовывались научные методы в связи с усложнением изучаемых объектов, трансформировались и философские установки, требующие принципиально иного подхода в определении статуса субъекта по отношению к меняющимся своим характеристикам объектов. Время и пространство уже осмысливались как свойства самого мира, причем предпринимались попытки как определять новые параметры пространства, так и рассматривать время в неотрывной связи с ним. В работах Б.Н. Чичерина мы находим настойчивое сопротивление проектам, меняющим научную парадигму. «Математики, – пишет он, – признающие четвертое измерение, толкуют о том, чего, по их собственному сознанию, никто представить не может, что совершенно выходит из области доступной человеческому разуму. Из сферы общих всем представлений они пытаются вознестись в область чистых понятий, которым не соответствуют никакие представления; но здесь с одной математикой ничего не поделаешь: тут нужна философская мысль, которая одна может воздержать неправильные полеты воображений» (Чичерин, 1895: 20). Оставив в стороне вопрос о методологической значимости философской мысли в мировоззрении Б.Н. Чичерина, в заключение подчеркнем, что, определяя природу понятия времени, как и понятия пространства, русский философ учитывал два обстоятельства: во-первых, между понятием и

представлением должна быть связь, причем понятие определяет представление, которое, в свою очередь, подтверждается разносторонним опытом, и, во-вторых, познаваемые явления (то, что дано в форме пространства и времени) включают в себя не только свойства субъекта, но и объекта, что определяет согласованность научного знания и объективных природных закономерностей. Будучи сторонником жестких логических форм, Б.Н. Чичерин так преобразует кантовскую дилемму: «Или мы должны признать время чисто субъективным представлением, а с тем вместе отвергнуть объективное значение всех законов природы, в которые время входит как определяющее начало, или мы должны признать время атрибутом абсолютного Духа. Другой альтернативы нет. А так как в объективном значении законов природы мы не можем сомневаться, то последний вывод остается единственно правильным» (Чичерин, 1895: 12).

3. Общее и различия у Н.Н. Страхова и Б.Н. Чичерина

Итак, после краткого изложения идей о пространстве и времени Н.Н. Страхова и Б.Н. Чичерина, отметим точки сходства и различия их подходов. Для удобства компаративного анализа наметим направления сравнения: 1) *Методологическая основа темпоральных представлений*; 2) *Время и пространство как формы чувственности и понятия мышления*; 3) *Время и пространство как объективные формы бытийных процессов*.

3.1. Методологическая основа темпоральных представлений

Оба философа, как отмечалось выше, избрали гегелевскую методологию как наиболее прогрессивную для конца XIX в. Причиной этого, как нам думается, явилось, с одной стороны, желание преодолеть кантовский темпоральный субъективизм, не дающий возможности ответить на вопрос: как согласуются субъективные темпоральные представления с устойчивыми природными изменениями, а с другой, – стремление выстроить надежные доводы против

позитивизма и материализма. Своеобразно примененный гегелевский диалектический подход позволил русским философам найти соответствия между субъективными и объективными составляющими времени (у Н.Н. Страхова это претворилось в идее соотношения точки и прямой, а у Б.Н. Чичерина, во-первых, в обосновании субъективной и объективной составляющих содержания феномена, а во-вторых, в утверждении принадлежности времени и пространства абсолютному Духу). Вместе с тем, у философов наблюдается неравнозначное отношение к кантовскому наследию. В работах Н.Н. Страхова отмечается склонность Канта к «объективной» трактовке времени.

У Страхова «Кант часто впадает в объективное представление» (Страхов, 1906: 409), когда рассматривает время как *вместилище* изменений, пребывающее неизменно. Это довольно оригинальное обвинение немецкого философа в объективировании априорной формы чувственности. Но, с точки зрения Страхова, время само есть *порядок* изменений, а «течение времени есть неотъемлемое его свойство». У Б.Н. Чичерина же преодоление Канта выражено в указании на необоснованный субъективизм немецкого философа, представлявшего время и пространство как априорные формы субъективной чувственности. Стало быть, направления критики немецкого априоризма у философов различные: Страхов стремится преодолеть субстанциалистскую концепцию, в рамках которой даже у Канта время есть *вместилище* изменений. Гегелевский же метод обеспечивает ему объяснение, во-первых, порядка становления процессов, а во-вторых, согласованности субъективных и объективных характеристик времени. У Б.Н. Чичерина более радикальный подход. Он разрушает устоявшуюся кантовскую дилемму и также утверждает согласованность субъективного и объективного планов времени, но на том основании, что порядок обеспечивается абсолютным Духом.

3.2. *Время и пространство как формы чувственности и понятия мышления*

Оба философа уделяют внимание субъективной стороне осмысления времени, но делают это по-разному. Для Б.Н. Чичерина субъективизм восприятия временных и пространственных изменений, как мы видели, выражается в представлениях и понятиях. Здесь его размышления имеют достаточно традиционный характер: в опыте мы сталкиваемся с устойчивыми изменениями вещей, тогда как через понятие осмысливаем универсальную основу этих изменений. У Н.Н. Страхова субъективная составляющая представлена изящнее. Он, например, был озабочен подбором правильных терминов и риторических приемов, представляющих свойства пространства и времени как в иносказательном, метафорическом, так и в прямом, номинально-объяснительном смысле, где пространство и время предстают как философские категории. Это связано с постулируемой философом затруднительностью истолкования темпоральных процессов, поскольку непосредственно мы можем созерцать лишь настоящее, тогда как прошлое и будущее даны нам через память и воображение. Вместе с тем, в силу доминирования у нас зрительных способностей восприятия, временную последовательность мы передаем иносказательно – через пространственные метафоры и понятия. Потому, при формулировании отвлеченного знания о времени, мы должны задумываться о подборе точных слов и методов.

3.3. *Время и пространство как объективные формы бытийных процессов*

Как отмечалось выше, оба философа стремились найти связь между субъективными представлениями времени и точным, отвлеченным отображением, соответствующим законам природы. Выражаясь иначе, оба философа стремились согласовать метафизический подход с общенаучным, для чего Б.Н. Чичерин, например, прибегал к аргументам из естественных наук, а Н.Н. Страхов – из математических. Кроме

этого Страхов указывал на тесную связь психологии с метафизикой в работе «Итоги современного знания» (Страхов, 1896: 39). Ведь метафизика познает мир в его подлинной сущности и целостности, в его реальности. И психология должна иметь дело с жизнью души как реальностью, которая обращается с пространственно-временными структурами, но имеет иномирную сущность. Стало быть, философия и ее метафизические разработки субъективного пространства и времени свидетельствуют в пользу реальности подлинного предмета науки психологии – жизни души.

Имеющиеся различия в стилях мышления философов лишней раз свидетельствует о наличии в XIX в. дискуссионного поля, «сферы разговора», внутри которой происходила селекция темпоральных концепций и значимых философских метафор для их построения.

Литература

Зеньковский, В.В. История русской философии. М.: Академический проект; Раритет, 2001. 880 с.

Ильин, Н.П. Н.Н. Страхов как метафизик // Хронос. Всемирная история в интернете. 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/statii/2005/ilin_strahov.php# [1a] (дата обращения: 29.03.2023).

Коротких, В.И. Теоретическая философия Б.Н. Чичерина в контексте истории осмысления гегелевской философии в России // Философские традиции и современность. 2013. № 2. С. 64-77.

Мотовникова, Е.Н. К метафизике метода Н.Н. Стрхова // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 4. С. 123-130.

Страхов, Н.Н. Итоги современного знания (1891) // Страхов, Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1896. С. 1-46.

Страхов, Н.Н. Мир как целое. СПб.: Типография К. Замысловского, 1872. 509 с.

Страхов, Н.Н. О времени, числе и пространстве // Страхов Н.Н. Философские очерки. Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1906. 482 с.

Чичерин, Б.Н. Пространство и время // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 26 (1). С. 1-56.

References

Chicherin, B. N. (1895), "Space and time", *Voprosy filosofii i psikhologii* [Questions of philosophy and psychology], 26 (1), 1-56 (in Russ.).

Ilyin, N. P. (2005), "Strakhov as a metaphysician", *Khronos. Vsemirnaya istoriya v internete* [Chronos. World History on the Internet] [Online], available at: http://www.hrono.ru/statii/2005/ilin_strahov.php (Accessed 29 March 2011) (in Russ.).

Korotkikh, V. I. (2013), "Theoretical Philosophy of B. N. Chicherin in the context of the history of understanding Hegelian philosophy in Russia", *Filosofskie traditsii i sovremennost'* [Philosophical traditions and modernity], 2, 64-77 (in Russ.).

Motovnikova, E. N. (2013), "On the Metaphysics of N. N. Strakhov's Method", *Humanitarian research in the Eastern Siberia and the Far East*, 4, 123-130 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1906), "About time, number and space", *Filosofskie ocherki* [Philosophical essays], Printing House of I. I. Chokolov, Kiev, Russia (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1896), "The results of modern knowledge", *Bor'ba s Zapadom v nashey literature* [Overcoming the West in our literature], Panteleevs Printing House, St. Petersburg, Russia, 1-46 (in Russ.).

Strakhov, N. N. (1872), *Mir kak tseloe* [The world as a whole], Printing House of K. Zamylovsky, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Zenkovsky, V. V. (2001), *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy], Academic project, Raritet, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Савинцев Вячеслав Игоревич, кандидат философских наук, доцент Высшей школы философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. Александра Невского, д. 14, г. Калининград, 236041, Россия; vyacheslav-savincev@yandex.ru

Попова Варвара Сергеевна, доктор философских наук, профессор, Образовательно-научный кластер «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ул. Александра Невского, д. 14, г. Калининград, 236041, Россия; *varyud@mail.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Vyacheslav I. Savintsev, PhD of Philosophical Sciences, Associate Professor, Higher School

of Philosophy, History and Social Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Alexander Nevsky St., Kaliningrad, 236041, Russia; *vyacheslav-savincev@yandex.ru*

Varvara S. Popova, Doctor of Philosophical Science, Professor, Educational and Scientific Cluster “Institute of Education and Humanities”, Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Alexander Nevsky St., Kaliningrad, 236041, Russia; *varyud@mail.ru*